

Щербиновское отделение
общества историков архивистов

МОЯ ЩЕРБИНОВКА

1913-1921 годы

записки станичника С.Г. Сковороды

ст. Старощербиновская
2014 год

Сковорода Семён Григорьевич родился в 1905 году в казачьей семье в станице Староцербиновской.

Окончил местную школу и гимназию. После революции учился в Ростовском индустриальном техникуме. После окончания техникума стал преподавателем по подготовке механизаторов.

Участник советско-финской и Великой Отечественной войн.

После войны, живя в Москве, занимался художественным литьём из металла элементов оформления мостов, фонтанов столицы.

Конец мая 1913 года. Мне уже восемь лет. Сегодня выезжаем в степь. Впереди на дрогах старенький дедушка Трофим, я сзади подгоняю привязанных к телеге двух коров и телку. Их донимают оводы. Жарко.

Наш новый надел земли километрах в восьми от станицы Старощербиновской, рядом с плавнями Еи, при урочище Панькова грядына. Получили мы его в прошлом году в ходе обмена участков. Каждые десять лет земельные участки меняются, чтобы лучшие и худшие из них справедливо перераспределялись. В нашем хозяйстве 16 десятин, положенные двоим взрослым мужчинам отцу и деду. Вот и наша хата, саманная, сложенная вместе с сараем под одной камышовой крышей. Во дворе печка - кабыця и колодец. Жаль, что нет сада, сажать его в степи не разрешается.

Во дворе у нас шумно. На лето в степь из станицы вывозят свиней, овец, птицу. Я теперь пастушок. Выгоняю в плавни лошадей и коров. Трава там хорошая, рядом вода. Пасти скотину весело. В плавнях я не один, соседские мальчишки тоже пасут худобу (скот-ред.). Между делом мы дружной компанией купаемся, гоняем чибисов, ищем их гнёзда, играем в карты.

Вокруг море зелени, стоит птичий гвалт. Возвышенности-грядыны тут покрыты непролазной травой сагой и красно-бурой солянкой. В зарослях рогоза и камыша спрятаны по плавням десятки плесов. Между ними протоки - ерики с едва заметным течением. Ближайшие к нам большие лиманы Кистрычин, Панькив, Кияшкин. Казаки любят плавни за просторы, за богатую рыбную ловлю и охоту. Заядлым рыбаком был мой дед, не отставал и отец, заработавший на рыбалках жестокий ревматизм суставов.

Вечерами собираемся на ужин за низким походным столом - сырном.

Располагаемся на ночлег обычно под открытым небом, на сене. Правда, уснуть не просто из-за комаров и мошки гнуса.

В поле в эту пору подрастают кукуруза, подсолнечник, арбузы с дынями. Время прополки их тяпками и конной пололкой. Хуже всего быть погоньчем, когда ты правишь лошадыю, сидя верхом. Едешь между рядками кукурузы, отец или мать идут позади, держа за ручки пололку. От работы бока у лошади ввалились, вся она мокрая, в мыле, мои ноги лошадиный пот щиплет до слёз.

По воскресеньям иногда уезжаем с утра в станицу. Здесь тихо и пусто: почти все живут в степи. У нас дома хозяйничают дедушка с бабушкой. Только подъезжаем до двора, бегу к своим любимым шелковицам. В степь везем мешок сушёных жердель (род абрикоса), ведро груш, ведро шелковицы.

В июле наступает жатва. Своей жатки у отца нет, поэтому он пользуется жаткой брата, дяди Вани. Работаем поочередно. Запрягают в жатку четырёх лошадей попарно. Мое место - на правой передней. Когда-то меня сменяют подрастающие сестра Наташа, братья Иван и Василий. Правишь лошадьми и часто видишь вспугнутых нами перепелок, а то и дикая утка с шумом поднимется из-под копыт, отчего лошади шарахнутся в сторону.

Скошенный хлеб складывают в копны, а для обмолота готовится ток - гладко укатывается земля на каком-нибудь бугорке. Копны к току свозят арбой или тягалкой - одноосной двухколесной платформой с волочащимся по стерне досчатым настилом.

Разостланную на току пшеницу обмолачивают ребристыми каменными катками. Каждый каток заключен в деревянную раму, в него впрягается одна лошадь. Обычно к первому катку привязывается вторая лошадь со своим катком, хотя порой число лошадей доводят до четырех. Погоньчем на первой лошади опять поручается быть мне.

И вот сижу я как-то на 12-летней лошади по кличке Лобко и езжу по кругу тока. Монотонный перестук катков, ритмичный шаг и мотание лошадиной головы перед глазами так меня убаюкали, что я бухнулся на солому лошади под ноги. Мудрый Лобко мгновенно остановился. Мне запомнилась его вздернутая голова с задранной верхней губой. Отец мне говорил, что так лошади смеются.

Первого сентября 1913 года мать за руку приводит меня в школу, что на Алексеевской площади (на этом месте сейчас школа № 2 - ред.). Встречают первоклассников заведующий школой Иван Терентьевич Добробаба и наша классная учительница Екатерина Васильевна Яцевило. После звонка она рассказывает нам несколько сказок, показывает, как сидеть за партой, как обращаться с книгами. В школу мы должны приходить в синей рубашке с крученым хлопчатобумажным пояском и в чёрных брюках.

В учебу мы втянулись. А вот добираться до школы в долгий период распутицы тяжело, особенно нам, младшим школьникам. Густая тёмная масса почвы, размешанная ногами лошадей и прохожих просто снимает сапоги. Лучший способ передвижения - на конях. Многие ученики утром едут в школу верхом, затем повод подвязывают на шее лошадей, и те сами расходятся по домам.

Весной на Вербной неделе все ученики идут в церковь говеть. Покровская церковь вмещает всех учащихся нескольких школ. Наша строится рядами первой у алтаря. Такая привилегия - из-за названия школы «Алексеевская», данного в честь царевича Алексея Николаевича, наследника царского престола. Стараясь держаться чинно, слушаем громогласного псаломщика по фамилии Чуб, но долго сохранять серьезность невозможно.

Лето 1914 года проходит в степи и в трудной работе, и в играх с ровесниками на приволье. Август. Уборка хлеба почти закончена, остаётся кое-что домолотить на току. Я пасу лошадей и коров по жнивью и вдруг слышу громкий лай собак у соседей. От плавней по дороге рысью едет верховой с красным флажком, сворачивая к каждой хате. Подъезжает и к нам, объявляет: «Германец с Россией начал войну!». Оцепенение, затем женский плач.

Уже через день уходят на войну казаки, только недавно вернувшиеся с воинской службы.

Распорядок жизни не изменился. Фронт далеко. За заботами, учебой и работой не ощущается явно, что где-то идет великая война. Хотя ушли очень многие. Призван и наш молодой учитель Василий Денисович Яцевило.

Как-то быстро промелькнуло время моей учёбы в начальной трёхклассной школе. Решено: продолжаю учиться. Осенью 1916-го поступаю в высшее начальное училище. Размещается оно в центре станицы рядом с правлением (ныне это школа № 1 - ред.). Здание двухэтажное, с большим двором и парком. Тут же кирпичный дом с садом - жилище директора училища Одоева.

Особую форму ученики не носят, только у всех мальчиков широкий ременный пояс с выгравированными на пряжке буквами В.Н.У.

В училище принимаются все желающие, но поступают каждый год лишь 35-40 человек на всю станицу. Набирается только один класс, да и тот за три года убавляется до 20-25 человек. Принято считать, что для хлебороба достаточно трёхклассного образования. В высшее начальное училище поступают те из казаков, кто особенно жаждет до знаний и дети торговцев, ремесленников.

Если в трёхклассной школе Закон Божий изучали кое-как, то здесь учим его чуть ли не наизусть. Преподаёт священник отец Сергей Пособило, а матушка его ведёт у нас французский язык. Оба строгие. Француженка, так мы зовём между собой Татьяну Николаевну Пособило, приходит в класс и все сорок пять минут ни одного слова не произносит по русски. В классе слышится только иностранная речь и шуршанье учебников.

Однажды в начале марта 1917 года, в слякотный день, ещё на подходе к училищу замечаю что-то необычное. У дверей толпятся, волнуются ученики. Вхожу, а на стенах плакаты: «Долой старый режим», «Да здравствует революция», «Царь отрёкся от престола. Ура!». По телу поползли мурашки. Как же без царя?

Дети казаков ведут себя сдержанно. Дети из семей местной буржуазии, те, что постарше, напротив, радостно поздравляют друг друга. Шумит сын хозяина аптеки Александр Мотылевич (в здании бывшей аптеки сегодня размещается ЗАГС - ред.). Не скрывает радости и Александр Ачкасов, сын оптового торговца керосином и мазутом, чьи цистерны с горючим на железнодорожной станции видны издалека. Наверное, плакаты в школе их рук дело.

Преподаватели молчат. Нет обычной молитвы в общем зале. Весь день проходит не в занятиях, а в шушуканье.

В станичной жизни после февральской революции перемен почти не видно. Так же правит станицей атаман Назаренко. Только помощник атамана Швагер чаще по ночам делает объезды, разгоня толпы парней. Скорее не разгоняет, а уговаривает разойтись. Не так, как бывало прежде.

В училище страсти улеглись. В конце учебного года нам объявляют, что училище преобразовано в гимназию.

Всё лето 1917 года провожу в степи. Июньским днём приезжает из станицы наша соседка, моя тётка. Взмолнованно излагает моей матери главную новость: «Сегодня что делалось в станице, аж страшно. Бабы подняли бунт!». Оказывается большая воинственная группа женщин захватила не молодого уже атамана. Его усадили на тачанку, к которой привязали жестяные банки, старые чайники и под хохот выпроводили из станицы. Потом бабы гурьбой двинулись

на базар и принялись бить стёкла в окнах магазинов, так как торговцы заблаговременно закрыли двери на замки. Через окна влезали в магазины и тащили на улицу товар, какой попадал в руки. Многие казаки были на фронте, а те, кто оставался дома не участвовали в погроме, но и не помешали ему.

Все ожидали, что будет возмездие, но оно не наступило. Бунт затих сам собой так же внезапно, как и начался. Какое-то время из других станиц приходили известия о таких же краткосрочных бабьих восстаниях.

Осенью с началом занятий в гимназии получаем новые пояса. На бляхах две буквы: «С» и «Г», что означает «смешанная гимназия». Мальчики и девочки здесь учатся вместе. В наше расписание прибавляются новые дисциплины. Нина Петровна Морозова преподаёт немецкий язык, а приехавший недавно из Тифлиса Иван Алексеевич Виноградов латынь.

Всё больше и больше возвращается в станицу фронтовиков. Кавалеристы являются с винтовкой, шашкой и кинжалом, пластуны - с кинжалом и винтовкой. Оружие никто не сдаёт. Некоторые казаки даже охотятся с винтовкой на диких гусей.

По воскресеньям на базаре собираются толпы фронтовиков. Ведут разговоры о войне, о февральской революции, о том, что в станицу прибывают пленные австрийцы и венгры.

Тут приходит очередная новость: в Петрограде новая революция, власть взяли Советы депутатов. На звон церковного колокола собираются станичники. Избирается ревком, от власти отстраняется атаман Назаренко. Вскоре он нас всем покидает станицу. Председателем ревкома становится приехавший откуда-то Падалко, в состав комитета входят секретарь комячейки Маркин, а также Полубень, Морква и другие.

Через несколько дней - выборы станичного Совета депутатов численностью более ста человек. В Совет входят казаки, иногородние и даже кое-кто из торговцев (Твердохлеб, Недилько, Минаев). Поддерживают новую власть беднейшие из казаков и иногородние, которые рассчитывают получить надел земли. Многие раздумывают, некоторые к власти настроены враждебно. Ходят слухи, что скоро всё станет общим.

Почти ежедневно всю зиму в Народном доме проводятся собрания, митинги. Здесь, в большом кирпичном здании бывшего банка (в наши дни тут размещается стоматологическое отделение поликлиники - ред.) сооружена сцена, ставятся театральные постановки на русском и украинском языках, выступают духовой и струнный оркестры. Но теперь станичники всё больше спорят.

Захожу на одно из таких собраний. Почти ничего нельзя разобрать. Высказываются сразу по два-три человека. Кого слушать? В зале, вмещающем около трёхсот человек, курят. Кто сидит, кто стоит, а кто и лежит у передних скамеек.

Председатель собрания объявляет, что станичный Совет постановил нарезать земельные наделы из общественного фонда давно живущим в станице иногородним. В ответ возмущение: «Почему без общего согласия грабят общественный фонд?», «Где возьмут землю для 16-летних казаков?», «Так у нас и лошадей с коровами отберут и городовикам отдадут?».

Кончается тем, что председатель стансовета заявляет: «Таким образом решение Совета доведено до сведения всех граждан станицы. Собрание закрываю».

Как и прежде казаки несут общественную службу поочередно по неделе (тыжнёвка), до тридцати человек разом. Кто посыльный, кто дежурит в карауле, кто ездовой или конюх, а кто и просто уборщик помещений.

Фронтовики, соскучившись по земле, готовятся к полевым работам. По дворам распределены пленные. Достался и нам работник - мадьяр Иоганн Молнар. По воскресеньям у нас собираются земляки Иоганна, живущие у станичников неподалёку, о чём-то говорят по-своему, иногда хором поют.

Весна 1918 года ранняя и дружная. К концу апреля почти все отсеялись. Тихое, тёплое утро. Отчётливы обычные станичные звуки: мычание коровы, лай собак. И вдруг настойчиво и громко начинает бить колокол. «Звонять, як на пожар», - говорит торопливо проходящая по улице женщина. Выходят из дворов казаки, направляясь на звон, в центр станицы.

Скоро знаю и я, что к нам приехало несколько офицеров, в том числе один полковник из Новошербиновки, что поднимается восстание против советской власти. Я и несколько друзей с нашей улицы бежим к месту сбора, на привокзальную площадь. Сюда подходят казаки-фронтовики с винтовками, среди них замечаю и пожилых людей с охотничьими ружьями. Формируется и кавалерия, человек сто. К концу дня все они занимают позиции за станицей в направлении Староминской.

На другой день ранним утром иду открывать ставни окон и слышу пулемётную очередь и отдельные выстрелы вдали. Не успел раскрыть и одно окно, как метрах в ста оглушительно разорвался снаряд. Лежу под стенкой дома, боюсь поднять голову, а взрывы гремят ещё и ещё.

Когда орудийный обстрел заканчивается, вижу, что мать успела спрятать в погребе наших младших. Подводы с женщинами и детьми, со скарбом направляются на другую сторону станицы, ближе к речке Ее и подальше от передовой. Но к обеду «война» заканчивается. Казаки расходятся по домам, а станицу занимают войска Красной армии. Два старых брата-офицера, которые хлебом-солью встречали белых, расстреляны на следующий день.

Вновь все в поле, в станице только старики со старухами. Но и до работающих в степи доходят в конце июля слухи, что Белая армия Деникина уже захватывает Кубань. И правда, вскоре белые занимают Старошербиновскую. Карательный отряд деникинцев расправляется с приверженцами советской власти. Привязан к столбу и расстрелян Есипенко, казнены Морква, Добробаба, Куля, Гусак. Засечен шомполами до полусмерти, но выжил Полубень.

Наконец экзекуции заканчиваются. Атаманом избирают Швагера.

Идёт мобилизация в Добровольческую армию. На фронт отправляются те, кто не ушёл с Красной армией. Скоро некоторые казаки с ранениями возвращаются домой на поправку. Они главные информаторы о ходе гражданской войны. Газетам веры мало.

Как обычно, идёт учёба в гимназии, только в расписание занятий возвращается Закон Божий.

Затяжными дождями и небывалой распутицей отличается осень 1918 года. Пара лошадей тяжело тянет пустую арбу. Но все везут из степи дромовой вороха стеблей подсолнечника и кукурузы: это и топливо на зиму, и корм для скотины.

В ноябре умирает от сыпного тифа сестра отца тётя Агриппина, оставив пятерых детей. Муж тётки в 1916 году погиб на германском фронте. Детей разбирают родственники. И у нас появляется новый член семьи - моя двоюродная сестра Клава. В семье теперь три ученика: я, сестра Наташа и Клава. Обе учатся в одном первом классе. По вечерам готовят уроки, мешая друг другу. После приготовления домашнего задания всем находится работа, например, обдирать утиные и гусиные перья для подушек. Старые и малые грызут семечки, слушая разные правдивые и неправдивые истории. Так проходят долгие зимние вечера.

Весной привычный ход жизни станичников нарушает погодная аномалия. В начале мая три дня дует штормовой западный ветер с дождём. Вода из Ейского лимана под напором ветра устремляется в плавни, образовав настоящее море. Затем ветер стихает и вода постепенно уходит. Выясняется, что вместе с морской водой в плавни зашло великое множество сазана. Часть рыбы очутилась на мелководье, как в ловушке. Кажется, вся станица вооружилась острогами и отправилась в плавни. С азартом гонятся за рыбой и мужчины, и женщины, и дети.

В июле в окрестностях станицы появляется отряд белых с заданием ловить дезертиров в плавнях. Входить в камыши, появляться на грядынах белые опасаются. Иногда только из пулемёта дают очередь по зарослям. Осенью, с наступлением холодов, отряд уходит, не поймав ни одного дезертира.

В феврале 1920 года Красная армия наступает, стремительно приближаясь к нашим местам. Однажды вечером все площади и улицы станицы оказываются запруженными войсками белых. И к нам во двор въезжает несколько подвод с деникинцами. Устраиваются на ночёвку.

Когда я просыпаюсь, двор уже пуст, только у скирды сена одиноко стоит небольшая белая лошадь. О том, как её назвать, мы долго не раздумываем: «Доброволец».

На Алексеевской площади, напротив казарм, оставлено орудие со снарядами. Мы с товарищами раскурочиваем пороховые заряды и дома в укромном месте поджигаем по одной палочке пороха - он горит очень красиво.

Снова жизнь в станице строится на советский лад. Избраны Совет и правление сельхозкооперации (для помощи в снабжении инвентарём). Священник отстранён от преподавания в школе.

Деньги в ходу всякие: царские, временного правительства («керенские»), донские. Даже станичник, торговец Баронов выпускает свои собственные деньги, бумажные купюры по двадцать рублей, отпечатанные чуть ли не на газетной бумаге. Поступают в обращение и самые первые советские деньги, правда, обесцененные, как и «керенки». Доходит до того, что коробку спичек оценивают в миллион рублей. На рынке часто люди просто обмениваются товаром.

В 1920 году, весной, в станицу прибывает особый отряд матросов, он расквартирован рядом с нашей школой, в доме хлеботорговца Шамрая (теперь это

здание занимает районная прокуратура - ред.). У моряков задача: становление советской власти в станице и подавление вооружённого ей сопротивления.

К концу этого же года станичники только и говорят о дерзких налётах отряда Григория Сидельника. Ещё недавно я видел его стоящим у своего дома, что по улице Красной. На погонах по одной звёздочке, высокий, задумчивый и суровый.

Главной целью атак Сидельник избирает именно матросов и красноармейские подразделения, высылаемые против него. Потери их бывают очень серьёзными, а Сидельник кажется неуловимым.

Опасаясь нападений, местные власти разрешают проводить все общественные и зрелищные мероприятия только в светлое время, до пяти часов вечера.

Мартовским днём 1921 года мы с соседом Василием Тихончуком после занятий выходим из школы. Только два часа дня, а неподалёку, в Народном доме идёт концерт. Заходим. Во время представления слышится команда в дверях: «Военным выйти!». Не успели выбраться наружу все военнослужащие, как на улице начинается стрельба. В считанные минуты помещение пустеет. Мы с Васей перебегаем в сыроварню, которая в одном дворе с народом. Когда перестрелка чуть затихает, выглядываем в окно. Видим, как люди Сидельника тащат пулемёт на церковную колокольню, как начинают с высоты обстреливать позиции моряков.

Вдруг совсем рядом раздаётся взрыв. Мы падаем на пол. Разрывы следуют один за другим всё чаще. Позже мы узнаем, что бронепоезд, стоявший на железнодорожной станции, помог матросам отразить атаку, взяв на прицел церковь и церковную площадь.

Уже начинает темнеть, когда прекращается стрельба, и мы оставив своё укрытие, огородами пробираемся домой. Позади маячит церковь с разбитым куполом и повреждённой колокольней.

Однажды утром по школе проходит слух, что в Новошербиновке убили Сидельника. И действительно, его тело привозят в станицу в ссыпку Шамрая для опознания. Привозят и жену Евдокию Евтеевну, которая подтверждает, что это её муж. Григория Сидельника не дают похоронить, а сжигают возле нашей школы на костре.

Его отряд распался. Кто-то приходи с повинной, поверив в амнистию, кто-то не приходит. В апреле, идя в школу, замечаю толпящийся у стансовета народ. Вхожу в помещение и вижу на полу три накрытых шинелями трупы. Мне рассказывают, что это комиссар и два красноармейца. Погибли они в ходе облавы на Мищенко, который был заодно с Сидельником. Мищенко не явился в стансовет, а когда за ним пришли, отстреливался и убил троих. Его задержали и будут судить.

Всех троих погибших хоронят на площади против нашей школы и вскоре ставят им памятник.

Разруха и голод после гражданской войны приводят в движение массы людей. Из центральных губерний люди едут, пешком идут на Кубань. Все надеются выменять за кусок материи, какие-то брюки или пальтишко немного пшеницы, муки или хлеба. Особенно часто такие нуждающиеся встречаются на

улицах станицы весной и летом 1921 года. Но мало кто из станичников может оторвать от семьи пуд зерна. Изъятие хлеба - продразвёрстка, подчищает все запасы, называемые теперь «излишками».

У нас исчезают из продажи спички и многие другие товары. Особенно тяжело переносится отсутствие соли. Говорят, где-то под станицей Копанской люди сами добывают соль и кое-кто из наших её уже привёз. Договорившись с дядей Емельяном Дроботом, отправляюсь с ним на бричке в Копанскую. Во второй половине дня мы на месте. Идём босиком по мелкому солёному болоту с километр туда, где копошится народ. Здесь множество делянок самой причудливой формы.

Когда восточный ветер выгоняет воду из лимана, а оставшаяся влага испаряется под солнцем, на подсохшей поверхности оказывается слой кристаллической соли. Жители Копанской граблями сгребают соль в кучки. Приехавшим из других станиц предлагают выносить на себе соль с условием, что половина её причитается хозяину делянки. Выбирать не приходится. Два дня носим в мешках через болото сырую соль. Тяжело. Зато запаслись года на два.

Зимой, когда есть свободное время, по вечерам родственники и друзья ходят друг к другу в гости. За игрой в лото завязываются интересные разговоры. Заходят к нам как-то братья Павел Кузьмич и Демид Кузьмич Горбенко. Павла в народе прозвали «большевик», а Демиду «кадет». Павел заводит речь о том, что всех лошадей, коров, птицу следует собрать в одно место, трудиться также вместе, хлеб делить по сделанной работе. Демид не соглашается: лошади и коровы у каждого должны быть свои! В конце концов, разругавшись с братом, Павел хлопает дверью и уходит.

Люди спорят о том, как жить дальше.